

РУССКИЙ АНЕКДОТ В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОМ ВЕКЕ: ТРАНСФОРМАЦИИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Шмелева Е. Я.

Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Москва

shme.lev@ru.net

Шмелев А. Д.

Московский педагогический государственный университет, Москва

shme.lev@ru.net

Рассматривается история русского анекдота: его появление и трансформации, которые претерпел этот речевой жанр в XX в. Высказано предположение, что в начале XXI в. русский анекдот переходит в разряд прецедентных текстов; они не находятся в фокусе внимания говорящего, но служат источником появления крылатых слов и паремий.

В последние годы заметно уменьшился «удельный вес» речевого жанра анекдотов в повседневной коммуникации¹. По-прежнему появляется много новых анекдотов, но, как кажется, носители русского языка стали гораздо реже рассказывать друг другу анекдоты, постепенно теряется потребность немедленно пересказать друзьям новый анекдот. Чтобы понять, что происходит с речевым жанром анекдотов, следует рассмотреть такие важные и недостаточно изученные параметры этого жанра, как время и социокультурные условия его появления в русской культуре, расцвет, кризис, видоизменения и трансформации. Как писал М. М. Бахтин, «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, публицистические, научные), но и первичные (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейно-бытового, общественно-политического, философского и др.)» [Бахтин 1979]. Речевые жанры рождаются и умирают, при языковых и культурных контактах происходит заимствование речевых жанров и их адаптация в новом окружении, которая зачастую приводит к видоизменению всей системы речевых жанров; жанры видоизменяются, вытесняются новыми на периферию коммуникации, исчезают или остаются в книгах и воспоминаниях.

В русской дворянской культуре в середине XVIII в. в ходе усвоения европейской (в первую очередь – французской) традиции появился новый жанр светской беседы – исторический анекдот (короткая, смешная, нередко нравоучительная история о необычном действительном – или выдаваемым за действительное – событии, происшествии из жизни исторического лица). Своего расцвета этот речевой жанр достиг в середине двадцатых – начале тридцатых годов XIX в., в это время «выкристаллизовались его внутренние законы, традиции, репертуар сюжетов, круг и основные типы рассказчиков» [Курганов 2003: 6]. С другой стороны, в это же время после восстания декабристов происходит видоизменение устной словесной культуры русского общества, перестройка системы речевых жанров, что естественным образом воспринимается носителями дворянской культуры как утрата искусства общения. Вместе с салонной беседой уходит в небытие устный жанр – рассказывание исторических анекдотов, однако, как это часто бывает, он исчезает не бесследно, превращается в популярный литературный жанр (см. [Курганов 2003]).

С конца XIX в. в ряду жанров дружеской непринужденной беседы свое место начинают завоевывать анекдоты в современном значении этого слова – короткие устные рассказы о вымышленном происшествии злободневного бытового или общественно-политического содержания с шутливой или сатирической окраской и неожиданной остроумной концовкой. Вот, например, как изображает любителей рассказывать анекдоты А. Аверченко (заметим, что именно в это

---

¹ Речевые жанры – это «относительно устойчивые типы высказываний, объединенные тематическим содержанием, языковым стилем и композицией» [Бахтин 1979].

время появляется имеющее несколько пренебрежительный оттенок значения слово: анекдотчик «любитель рассказывать анекдоты»):

Нет, ты, брат, расскажи лучшие анекдотик какой-нибудь. Изумительно анекдоты рассказывает, – обратился ко мне оживленный, веселый Еропегов. – Право, расскажи!

Демкин потупил голову и гудящим, унылым голосом покорно начал:

Один купец пришел в ресторан. Видит – висит клетка с соловьем. “Сколько, говорит, – стоит”. – “Триста рублей”. – “Зажарьте”.

Этот анекдот мне известен, – сказал я. – Купец, когда зажарили, сказал: отрежьте на три копейки. Да?

Да, да, – кивнул головой Демкин. – А то другой анекдот есть: армянин застал жену с приказчиком на диване. Они целовались, а он...

– Знаю! – перебил я. – Потом он еще диван продал.

Демкин тяжело вздохнул и замолчал.

– Ты расскажи об еврее, который пришел в театр, а потом ушел, не желая ждать, когда прочел в программе, что между вторым и третьим действием проходит полтора месяца, – подсказал Еропегов. Мрачный Демкин покорно рассказал анекдот об еврее.

Анекдот был тоже мне знаком, но я сделал вид, что впервые услышал его и поэтому насильственно смеялся.

Еропегов громко хохотал и одобрительно повторял:

– Этакий весельчак! Удивительно... <...>.

Еропегов хлопал его по плечу, одобрительно говоря:

– Уморушка с тобой! То есть откуда у него берутся эти анекдоты?! Прямо удивительно. (1)

Из этого отрывка можно составить некоторое представление об анекдотах начала двадцатого века. Во-первых, уже появляются серии анекдотов: армянские анекдоты, еврейские, анекдоты о купцах. При этом интересно сравнить героев этих анекдотов с героями современных анекдотов: например, еврей в анекдотах начала века – это разбогатевшие местечковые жители, не имеющие представления о том, как себя ведут в обществе, а в середине и в конце двадцатого века – это хитрые и жадные столичные жители; купцы в начале века – это «новые русские» конца века, впрочем, без криминального прошлого и т.п. Во-вторых, к началу века уже сложился некие «речевой этикет», «правила» рассказывания анекдотов: 1) анекдоты не рассказывают специально, на заказ: анекдот должен быть как-то связан с темой разговора; 2) следует

рассказывать анекдоты артистично, изображая героев в лицах, а не монотонно, как это делает Демкин; 3) рассказчик должен стремиться рассказывать анекдоты, которые неизвестны слушателям, а если вы не уверены, что анекдот новый, лучше предварить рассказывание анекдота вопросом: «Вы знаете анекдот о...?»; 4) даже если слушатели знают анекдот, предпочтительно сделать вид, что рассказываемый анекдот им неизвестен и засмеяться. Любопытно, что рассказывание анекдотов расценивалось в начале двадцатого века как некое не слишком почтенное занятие, а бытовавшие в устном общении анекдоты как преимущественно пошлые и неостроумные. С другой стороны, в это же время в России выходило несколько юмористических журналов, в которых печатались короткие смешные истории, высмеивающие слова или поступки политических деятелей начала двадцатого века, представленные в Государственной Думе политические партии, политические события, происходящие в России и в мире в это время, издающиеся в Российской империи газеты. Приведем несколько примеров таких историй, напечатанных в журнале «Сатирикон» в 1910 г.:

– Слышали? Октябристские депутаты постановили – высечь на доске слова манифеста о свободе и приколотить в Думе.

– Их, вероятно, только и прельстила эта идея, что можно что-то такое высечь и приколотить. (№ 43) (2)

– Вот это свинья – так свинья! – Господа! Неужели вам еще не надоело говорить об октябристах... (№ 2) (3)

– Вы не союзник? – Нет, доктор запретил мне пить окончательно. (№ 2) (4)

– Правее! Тебе говорят, правее. Черт желтоглазый! – Да куды еще правее? Некуда больше. Тут уж прямо Струва начинается, не видишь? (№ 20) (5)

– Слышали, какое несчастье случилось на Литейной. На Пуришкевича налетел трамвай. – Ну, ну? – И не раздавил его. (№ 15) (6)

– Вы и в самом деле верите, что “Россия” – частная газета. – Ну да, частная... полицейской части! (№ 3) (7)

Представляется, что российская ситуация начала века – это типичная ситуация свободного буржуазного общества, в котором политический юмор является, в основном, принадлежностью газет и журналов, а в фольклоре бытуют, в основном, анекдоты, которые не принято печатать в журналах, анекдоты неприличные или «неполиткорректные»

(этнические, сексистские и т. п.) анекдоты. Начиная с двадцатых годов XX века, с исчезновением свободной печати рассказывание анекдотов (преимущественно политических) становится распространенным жанром повседневной коммуникации. Основываясь на опубликованных в последние годы дневниках и воспоминаниях, мы можем с уверенностью заключить, что антисоветские анекдоты рассказывали в самых разных социальных слоях, в том числе и в среде «интеллектуальной элиты» – писателей, профессоров и т. п., например:

Понизив голос до шепота, слышного лишь его соседям по столу, он [Рувим Исаевич Фраерман] рассказывал анекдот, тоже без улыбки: – Политчас в украинской военной части. Политрук приступает к занятию: “Зараз мы с вами побачимо, що таки социализм и на який хрен вин нам здався” (Н. Любимов. Неувядаемый цвет). (8)

Едет в поезде человек. Сосед спрашивает, как его фамилия. Он говорит: «Первый слог моей фамилии то, что хотел дать нам Ленин. Второй то, что дал нам Сталин». Вдруг с верхней полки голос: «Гражданин Райхер, вы арестованы». (Корней Чуковский. Дневник 1930 – 1969. Запись анекдота, рассказанного Э. Казакевичем, 4 марта 1956). (9)

Когда рассказывание анекдотов стало еще и несколько менее опасным (в шестидесяти–семидесяти годы прошлого века), анекдоты стали массовым жанром повседневной коммуникации, во многом заменившим рассказывание политических новостей. При этом все типы анекдотов: бытовые, этнические, анекдоты о каких-то профессиональных или социальных группах – были по сути своей «антисоветскими», именно поэтому их и рассказывали. После перестройки отсутствие «антисоветской» составляющей анекдота приводит к тому, что у многих носителей русского языка появилось ощущение, что анекдоты стали менее смешными. При этом с начала перестройки, в конце восьмидесятых – в девяностые годы XX в. появляются новые серии и новые персонажи анекдотов: «новые русские», эстонцы, наркоманы, программисты. Однако наряду с этим начинается постепенное снижение «удельного веса» устного речевого жанра анекдота в повседневной коммуникации, его трансформация в литературный и театральные жанры (публикация многочисленных сборников анекдотов, обилие радио– и телепередач, в которых актеры рассказывают анекдоты), а также жанр интернет-коммуникации (такие сайты, как www.anekdot.ru и др.).

Особенно любопытным представляется еще одно видоизменение речевого жанра анекдота, происходящее на наших глазах. На смену речевому

жанру рассказывания анекдота все чаще приходит речевой жанр напоминания анекдота. Если условием функционирования речевого жанра «рассказывания анекдота» является то, что слушатели не знают этот анекдот², условием функционирования речевого жанра «напоминание анекдота» является то, что анекдот известен слушателям. При напоминании анекдота используются другие метатекстовые вводы, нежели при рассказывании анекдота, ср.: *Я вам сейчас расскажу новый анекдот о Штирлице; Ты слышал последний анекдот о новом русском?* (рассказывание анекдота) и *Помнишь анекдот о Штирлице; Ты как новый русский из анекдота* (напоминание анекдота). Напоминание анекдота отличается от его рассказывания, конечно, не только метатекстовым вводом (о правилах построения текста анекдота и рассказывания анекдотов в русском языке см. [Шмелева, Шмелев 2002]). Если рассказчик считает, что анекдот известен слушающему, он, как правило, не рассказывает весь анекдот с начала до конца, а лишь приводит какую-то смешную фразу или напоминает «анекдотическую» ситуацию: *Ты, как раввин из анекдота, у которого было еще столько идей; Геннадий Селезнев может сказать, как раввин из известного анекдота: «И с такими людьми мне приходится работать!»; Его, как Штирлица, неудержимо рвало на Родину; Я, как новый русский, читал на ночь пейджер.* При напоминании анекдот может пересказываться полностью или почти полностью, но при этом повествование как бы переключается в другой регистр. Настоящее повествовательное время, в котором обычно рассказывается анекдот, как правило, меняется на прошедшее время, в тексте могут появляться интродуктивные показатели (такие, как местоимение *один*). Ср.: *Выходит новый русский из Эрмитажа и говорит: «Да, бедненько, но чистенько»* (рассказывание анекдота); *Да, бедненько, но чистенько, как сказал один новый русский, выходя из Эрмитажа* (напоминание анекдота). Прямая речь персонажей анекдота часто меняется на косвенную: *Помнишь, как армянское радио ответило на вопрос о том, можно ли спать с открытой форточкой? – Можно, если больше не с кем.* Герой анекдота может заменяться на того, о ком в данный момент идет речь; так, в следующем примере вместо Штирлица фигурирует губернатор: *Прямо, как в анекдоте: до губернаторов не дошло письмо из Кремля; они прочитали еще раз – снова не дошло.* При напоминании анекдота рассказчик гораздо реже надевает «речевую маску» персонажа, имитирует акцент, интонацию, меньше жестикулирует. Считается, что все речевые и

² Для старых анекдотов в русском языке даже существует презрительное именование «анекдоты с бородой», и рассказывание таких «бородатых» анекдотов всегда расценивалось как неудачное, не оправдывающие ожиданий слушателей.

поведенческие особенности героя анекдота уже известны слушающему и не нуждаются в воспроизводстве.

К напоминанию анекдота близок еще один речевой жанр – цитирование анекдота (подробнее о цитировании анекдота см. [Шмелева 2003, 2004]). Если напоминание анекдота, как и его рассказывание – жанры фамильярного, дружеского общения, то цитирование анекдота чаще встречается в публичной речи (лекциях и выступлениях политиков) и в средствах массовой информации. Цитироваться может как весь анекдот целиком, так и отдельная яркая фраза из анекдота или даже словосочетание, восходящее к анекдоту. По-видимому, массовое распространение и популярность в советское время речевого жанра анекдота привели к тому, что сформировался корпус анекдотов, известных большинству носителей современного русского языка. Эти анекдоты воспринимаются как прецедентные тексты, фразы из которых переходят в качестве крылатых слов и паремий. Широкое распространение получает языковая игра с анекдотическими паремиями. Приведем несколько примеров:

Финн оказался горячее эстонца («Коммерсантъ», 15.04.03); Эстонец оказался погорячее финнов. («Коммерсантъ», 12.08.03); Горячий эстонский самовар («Известия», 9.12.03); Ночь горячих парней. Мультимедиафестиваль современного искусства Финляндии «Ночь независимости» («Большой город», 5.12.03); Горячий ненецкий парень («Известия», 24.04.04). (10)

Теперь в питерском телеэфире ситуация напоминает один известный анекдот: «Сказали, что надо все делать для человека и во благо человека, и даже человека того показали». («Известия», 1.07.03); Так что вполне вероятно, что именно накануне выборов появится столь весомый информационный повод с участием одного из кандидатов в президенты (есть такой человек – и мы его знаем), обойти который уважающие себя телеканалы просто не смогут. («Известия», 13.03.04); Мы же ориентируем свою практическую работу на человека, чтобы организовать прорыв в этом деле! Ни у кого, конечно, не возникло ни малейшего сомнения, на какого именно человека ориентируется Михаил Фрадков. («Коммерсантъ», 20.03.04); Но как оказалось, судьба любой реформы в нашей стране (в том числе и театральной) зависит только от одного человека. И вы его знаете. («Известия», 11.02.05). (11)

Как в том анекдоте про еврея в бане: вы либо крест снимите, либо штаны наденьте. («Коммерсантъ», 5.06.03); Вы уж или

свитерки снимите, или портрет прикройте. («Известия», 18.10.03); Как говорится в многократно цитированном одесском анекдоте – либо снимите крестик, либо наденьте трусы. («Газета», 21.01.04). (12)

Но мы – тут вспоминается старый анекдот о другом великом художнике – его любим не только за это. («Время», 15.10.04); Но любить-то по-хорошему, его стоит не только за это. («Независимая газета», 20.10.04). (13)

И эти люди запрещают нам ковырять в носу. («Эксперт», 16 – 22.02.04); «И эти люди, как изумленно сказал маленький мальчик, подсмотрев за родителями в спальне, – запрещают мне ковырять в носу!» («Известия», 21.01.05). (14)

Белые и пушистые («Известия», 4.07.03; 12.09.03); Следующей зимой мужчины станут белыми и пушистыми. («Известия», 22.01.04); – Нельзя быть белым и пушистым, – продолжил он [Путин]. – Пусть тогда уж они за стол переговоров с бен Ладеном садятся. А что? А то хотят быть белыми и пушистыми, а за стол переговоров не хотят. («Коммерсантъ», 22.04.04). (15)

По-видимому, в начале двадцать первого века в России анекдот переходит в разряд прецедентных текстов, которые не находятся в фокусе внимания говорящего, хотя и служат одним из самых распространенных источников появления крылатых слов и паремий.

Список литературы:

- 1) Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237-280 (статья написана в 1952–1953 гг.).
- 2) Курганов Е. «У нас была и есть устная литература...» // Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века. М.: Материк, 2003. С. 6-8.
- 3) Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. // М.: Языки славянской культуры, 2002.
- 4) Шмелева Е.Я. Фольклорные жанры как источник цитат в средствах массовой информации // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.). М.: ИРЯ РАН, 2003. С. 247-249.
- 5) Шмелева Е.Я. Материалы к «Словарю цитат и клише»: русский анекдот // Русский язык сегодня. М.: ИРЯ РАН, 2004. С. 353-362.

